

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

**МОИСЕЙ САМОЙЛОВИЧ КАГАН В МОЕЙ ЖИЗНИ: ВОСПОМИНАНИЯ
О ФИЛОСОФЕ И УЧИТЕЛЕ**

**MOSES Samoilovich KAGAN IN MY LIFE: MEMORIES OF PHILOSOPHY
AND TEACHER**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

1

Слово «Каган» существует в моем языковом сознании с незапамятных времен. Наверное, оно появилось позже первых слов, которые я узнал, но определить – когда, уже не представляется возможным. Оно появилось, по-видимому, вместе с другими фамилиями выдающихся ученых, которые сначала просто мелькают на страницах учебников и энциклопедий, в речах учителей и дикторов, ведущих телевизионные и радиопередачи научно-популярного содержания. Позже эти имена обрастают исторической конкретикой, превращаются в собрание прочитанных текстов и осмысленных концепций, иногда даже в биографию с теми или иными подробностями. Много зависит в этом процессе от любознательности и интереса к деталям. Но только в редких случаях имя приобретает характер образа, который создается благодаря знакомству с живым человеком.

Знать выдающегося человека лично – большая удача. Конечно, чтение текстов таких людей подчас способно заменить собой личное знакомство. Я неоднократно отмечал, прогуливаясь по Литераторским мосткам, Некрополю мастеров искусств в Санкт-Петербурге или Новодевичьему кладбищу в Москве, что многие из тех, кто покоился под могильными плитами, ближе и понятнее мне даже собственных родственников, потому что в своих бесчисленных книгах и письмах они с титаническим трудом пытались сохранить собственный мир для тех, кто будет когда-либо настолько любознателен, чтобы искать иные миры, будет способен удивляться им и восхищаться. Когда происходит подобное приобщение, даже личное знакомство мало что добавляет к содержанию открываемого мира. Личность имеет много случайного в собственном содержании, а плоды ее творчества почти лишены этой случайности, они запечатлевают сущность и постоянство. Так картина художника отличается от фотографии.

Однако фотография все же интересна и необходима человеку. Ролан Барт когда-то заметил, что существо этого интереса коренится в способности фотографии вбирать живое присутствие запечатленного на ней человека или мира. Она – мистическое окно в этот мир, спасенный от забвения благодаря ее химическому составу. Воспоминание о живом лице человека – тоже окно в иной мир. Может быть, конкретный характер этого мира, покажется кому-либо мелким, однообразным и недостойным внимания по сравнению с вечными сущностями Гиперурании, но жизнь влечет нас, несмотря на случайность ее деталей, ибо в них сокрыто богатство непредсказуемости и новизны. Правда, в отличие от фотографии воспоминания больше относятся к миру того, кто вспоминает, чем к миру вспоминаемого человека, но жизнь, которая воссоздается благодаря памяти, несмотря на это, все же сохраняет обаяние своей первозданности.

Докучаев И. И.

МОИСЕЙ САМОЙЛОВИЧ КАГАН В МОЕЙ ЖИЗНИ: ВОСПОМИНАНИЯ О ФИЛОСОФЕ И УЧИТЕЛЕ

Впервые я стал задумываться о том, что за реальность обозначается словом «Каган» в результате комического происшествия в букинистическом магазине, расположенного у Пяти углов в Санкт-Петербурге. Я учился в выпускном десятом классе тогдашней средней школы и часто заходил в букинистические магазины. Книг издавалось в конце советской эпохи немало, хотя и не столько, сколько нынче. В те времена мне казалось, что девяносто процентов издаваемых книг так и не находят своего читателя. Полки магазинов всегда были заполнены книгами, которые никто и никогда не покупал. Люди искали другой литературы, причем ценителей ее подлинных достижений существовало невероятно много. Поэтому хорошую новую книгу было очень тяжело заполучить, а страсть к коллекционированию книг искала пути для своего удовлетворения. Дефицит книг отчасти компенсировался букинистическими сокровищами, существовали обменные отделы, многочисленные подписки. Книги по философии в советское время издавались и вовсе плохо; классика сокращалась до хрестоматийных текстов, а зарубежных философов, творивших в современную эпоху, по идеологическим соображениям лишь упоминали в критических разностях, созданные же отечественными авторами сочинения не отличались оригинальностью и концептуальной напряженностью. Они все походили друг на друга, как прилепленные к внутренней стороне школьной парты использованные жевательные резинки.

Сегодня мы знаем, что философская мысль и в Советском Союзе выдвинула ряд блестящих имен. Но их популярность пришла задним числом, она оказалась обоснованной не благодаря стандартизирующей все и вся советской идеологии, к которой причастен всякий советский философ, сохранившийся в истории мысли подобно человеку, обреченному на гибель в морской пучине, но выплывшему, несмотря на камень, привязанный к его шее. Э. Ильенков, Д. Дубровский, Н. Мотрошилова, В. Межуев, М. Лифшиц, И. Свидерский, В. Штофф, П. Гайденок, М. Мамардашвили, А. Зиновьев, А. Пятигорский, П. Копнин, Ю. Лотман, Б. Поршнева, Г. Батищев, В. Библиер, Ю. Шрейдер, М. Петров и другие авторы интересны сегодня вне зависимости от того, насколько соответствовала советской идеологии их научная деятельность. Они интересны благодаря творческому отношению к этой идеологии, ее рациональному анализу, даже развитию и обоснованию. Ибо в науке всегда интересны рациональные аргументы и доказательства, а любой догматизм превращает ее в скучный набор фраз.

К концу 80-х годов прошлого века имена выдающихся советских философов были мало известны широкому читателю. Философия воспринималась как реликт и собрание анекдотов и мифов. Только научным детством можно было извинить некоторые философские положения, давно переставшие восприниматься серьезно и сохраняемые как музейные памятники интеллектуальных пережитков прошлого. Что можно было сказать в ответ на известную максиму Фалеса «Все из воды и в воду» или как можно отреагировать на учение Платона об идеальности подлинного мира и иллюзорности материи? Только улыбнуться, как улыбается взрослый на смешные проделки своего дитяти. Философия давно завершилась, и на смену ей пришла наука. Позитивистское представление о философии стало расхожим мнением, разделяемым в советском обществе и пропагандируемым в школьных классах и университетских аудиториях. Последним философом был К. Маркс, создавший материалистическое учение об обществе. Это учение воспринималось как окончательное философское откровение о мире, которое можно только усвоить и возрадоваться от того, что истина, наконец, у нас в кармане. Советская философия воспринималась, таким образом, как своего рода комментарий, позволяющий усвоить истину. Она, подобно средневековой схоластике, была призвана не развивать, а сохранять уже имеющееся откровение. Однако будучи философией, она не могла не вносить собственных еретических тезисов в сохраняемую ею систему. И по мере того, как количество этих тезисов возрастало, система постепенно приходила в движение и развивалась. Комментаторы превращались в выдающихся философов. Но для их признания требовалось время. Как схоласты оказались великими мыслителями лишь спустя многие века после гибели средневековой культуры, породившей схоластику, так и советские философы обрели признание только после того, как советская культура и идеология прекратили свое существование.

Тогда в букинистическом магазине я обсуждал вместе со своим приятелем книги, лежащие на полочке с характерным названием «Общественная литература». Среди них находились и небольшие томики в мягком переплете, на которых стояло имя М.С. Кагана. Это были «Лекции по марксистско-ленинской эстетике». Мой приятель указал на эти книги и сообщил, что Кагана из всего этого мусора можно бы и купить, потому что он оригинален и пытается обосновывать то, о чем пишет. Я не очень пожалел, что книги мне не достались, потому что не очень хорошо представлял себе их ценность. Фамилию автора я где-то слышал, это позволило мне согласиться с моим приятелем, но не более того. Однако я заметил ему, что, наверное, концепция Кагана сегодня уже мало интересна, потому что была создана еще в двадцатые – тридцатые годы, а сегодня устарела. Конечно, я знал, что философские концепции не устаревают, но я полагал при этом, что в советской философии не существовало таких концепций, которые обладали бы этим подлинно философским свойством. Комментарий, даже если он качественный, может быть и улучшен, а с двадцатых годов минуло уже более семидесяти лет, чтобы это произошло. Моисея Кагана я перепутал с Матвеем Каганом, работавшим как раз в двадцатые годы вместе с М. Бахтиным в рамках Невельского кружка. Ни того, ни другого Кагана я еще не читал. Мой приятель возразил мне, что М.С. Каган – наш современник. И я поспорил с ним, что М.С. Каган давно умер и известен как довоенный автор. На следующий же день я вынужден был купить моему другу бутылку пепси-колы – главного радующего душу советского подростка напитка, – поскольку признал свое поражение в споре.

Простить себе такого интеллектуального провала я не мог, а потому отправился в библиотеку и прочитал «Лекции». Так началось мое знакомство с Моисеем Самойловичем Каганом.

Прошло шесть лет моей университетской жизни. За это время я не только стал филологом, но и основательно увлекся философией. В своих филологических штудиях я всегда

старался найти основания для тех или иных выводов и филология мне не предоставляла таковых. Я попытался расширить предмет своих интересов и стал заниматься семиотикой. Теория знаков казалась мне ключом к объяснению существа любых филологических явлений, поскольку включала их как частное в свою целостную картину. Однако знаки – лишь способ трансляции и аккумуляции человеческой культуры, но не существо той силы, которая вызывает ее к жизни и придает ей исторически преходящее содержание и неизменную сущность. Постепенно от семиотики я перешел к феноменологии и аксиологии, то есть стал философом. Впрочем, все это произошло позже, а первоначально, увлекшись семиотикой, я никак не мог найти подходящей для реализации своих планов аспирантуры. И тут мне представился случай поступить на кафедру культурологии РГПУ им. А.И. Герцена. Наука о культуре тогда в российском научном сообществе только родилась как самостоятельное дисциплинарное пространство и институт, она искала своего содержания и спокойно относилась к любому проекту включения того или иного метода или предмета в свой состав. Поиск предмета культурологии был сосредоточен вокруг принципов объединения различных результатов частных наук о той или иной сфере культуры и у границ между этими сферами. Если научный метод оказывался интегральным по отношению к ряду других – частных – методов, его культурологический статус был ему гарантирован. Семиотика, конечно же, стала частью культурологии.

Я стал готовиться к экзаменам. О культуре я читал много еще на филологическом факультете, но список литературы, предложенный мне для подготовки, включал массу имен и книг, о которых я никогда или почти ничего не слышал. Книги М.С. Кагана тоже были в этом списке. К тому времени я читал только «Лекции». Они произвели на меня сильное впечатление, поэтому я начал штудировать рекомендуемую литературу с книг М.С. Кагана «Морфология искусства» и «Человеческая деятельность». Особенно меня заинтересовала последняя книга, поскольку она позволяла вписать различные результаты человеческой деятельности в единую картину его бытия, то есть определить специфику этого бытия и дедуцировать, благодаря данной специфике, различные его стороны. У меня была собственная семиотическая теория человеческой деятельности, и я пытался согласовать ее с только что открывшейся для меня концепцией М.С. Кагана. Я знал уже, что Моисей Самойлович – профессор той самой кафедры, на которую я поступал, и это вселяло в меня надежду на то, что я смогу многое прояснить в ходе совместной работы.

На экзамене М.С. Кагана не было, хотя абитуриентам было сообщено, что он является членом приемной экзаменационной комиссии. В большой аудитории, где все происходило, только что завершилось объявление результатов экзамена. Присутствовали все его участники. Мне было очень приятно, что из 34-х сдававших тогда экзамен абитуриентов отличную оценку получили только семь человек, среди которых был и я. Присутствовавшие стали подниматься и направляться к выходу. В этот момент в аудиторию вошел человек среднего роста, одетый в серый костюм, с галстуком, в руке у него был дипломат. По его внешнему виду было сразу видно, что он – профессор. Я находился рядом с ним и сразу угадал, что это Моисей Самойлович Каган. Он опоздал на экзамен и начал с извинений перед членами комиссии.

Шел сентябрь 1993-го года. Моисею Самойловичу было тогда семьдесят два. Он был худощав, подтянут, носил усы. В его подтянутости чувствовалась какая-то болезненная напряженность. Двигался он быстро и с военной выправкой, но плавности в этом движении тоже не было. Угловатость оказывалась характерной чертой своеобразной кагановской пластики: мне хотелось всегда нарисовать его портрет в кубистическом стиле. Лицо его было лицом философа, высокий лоб на лысеющей голове был покрыт морщинами, взгляд глаз сочетал серьезность и иронию, которую подчеркивали или останавливали улыбка и усы. Гусарские усы всегда придают человеку молодцеватость, ухарство, которые плохо вяжутся с обликом серьезного и печального философа. Пожалуй, лишь сарказм оказывался способом сочетания этих столь разных установок, улыбка Вольтера – самое наглядное воплощение подобного сарказма. Но Моисей Самойлович писал книги, лишённые эмоций. Они стремились с натуралистической точностью воспроизвести описываемый ими мир. Автор умалчался в них

до почти полной его смерти. Философию М.С. Кагана должно назвать эпической. А его саркастические усы были символом не столько философии, сколько удивительной личности философа, существовавшей за пределами его текстов. Читателям книг М.С. Кагана невозможно узнать их автора.

Я очень переживал в ожидании назначения моего научного руководителя: только Моисей Самойлович Каган мог быть моим руководителем. Меня сложно чему-либо научить; Моисей Самойлович был одним из немногих ученых, у которого можно было учиться бесконечно. И судьба оказалась на моей стороне. Именно М.С. Каган стал моим руководителем и консультантом, больше того – настоящим учителем, к которому даже сегодня, после его смерти, я не перестаю обращаться с вопросами. Параллельно с аспирантурой я окончил философский факультет, потом докторантуру. Все мои диссертации и философский диплом писались под его руководством. Позднее Моисей Самойлович на защите моей диссертации скажет, что я был одним из двух его учеников, у которого он учился сам. Я не знаю, чему научился он, но я учился у него многому. Учиться трудно, то есть несложно накапливать знания, сложно развивать собственную концепцию. К моменту начала моей работы с Моисеем Самойловичем у меня уже была собственная концепция. И никто, кроме меня, не мог бы изменить ее, а тем более заставить меня отказаться от нее. М.С. Каган был носителем настоящей живой философской мысли. Он пытался заново воссоздать мир средствами собственной философии. Такая жизнь не может не задевать своих свидетелей. Если философия создается всерьез, она должна быть воспринята как вызов, на который необходимо дать ответ. Выработка ответа и есть подлинная учеба. В этой выработке есть и простое стремление подражать учителю, его примеру настоящего труда, – и это дорогого стоит, – но главное все же в том, что концепции Моисея Самойловича позволяли развивать собственные идеи, понимать объясняемый ими мир, спорить и даже разрушать компоненты их конструкции.

М.С. Каган был принципиальным философом, он не мог согласиться с оппонентом, если считал, что его аргументы неубедительны. Согласие возможно было либо как обогащение его собственной системы, либо как отказ от нее. И то и другое – редкость для настоящего мыслителя, который создает модели мира в ходе кропотливой и талантливой работы. Ученикам своим, которые претендовали на статус философов, он предоставлял самим убедиться в обоснованности его аргументов, а их аргументы подвергал беспощадной критике. Если ему не удавалось убедить оппонента, он всегда допускал, что сам пока еще не способен воспринять справедливость той или иной позиции, но не признавал ее в силу этого обстоятельства в качестве существенной для понимания мира. Это давало простор для творчества, но и ограничивало его результаты, точнее дисциплинировало, требовало титанических усилий для того, чтобы добиться подлинного их признания.

Самое главное, что я усвоил из уроков М.С. Кагана – то, что философия конструктивна, что она должна содержать проверяемые и принципиально понятные для любого ученого тезисы, которые должны претендовать на убедительность, но не на окончательность научного поиска. М.С. Каган был великим рационалистом наших дней, он стремился к логической строгости, а не к языковой выразительности, столь модной в наше эпигонское время. В моем ученичестве я знал только одного человека, рационализм которого обладал бы такой же ценностью и последовательностью. Это Алексей Григорьевич Черняков. Однако если усилия М.С. Кагана были направлены на создание собственных философских моделей, Алексей Григорьевич стремился к пониманию чужих философских концепций. Учиться истории философии у него было настоящим даром судьбы. Модели, создаваемые Моисеем Самойловичем, могли быть не вполне удачными или наоборот – существенно прояснять многие важнейшие вопросы теории и истории культуры, однако они были всегда понятны и верифицируемы. С их помощью всегда удавалось развивать знание и прояснять ситуацию. Метод Моисея Самойловича, каким бы он не назывался, – системный подход, деятельностный подход, синергетика, – всегда был призван обнаружить основания для описания мира, то есть был подлинной философской работой. Такая работа не могла не быть интересной, потому

что поиск оснований невозможен без оригинальности и универсальности полученных в его результате знаний. Если ученику удавалось понять этот метод и присвоить его, он приобретал бесценный философский опыт.

3

Наше личное знакомство состоялось спустя месяц после моего зачисления в аспирантуру. Моисей Самойлович любил общаться со своими учениками дома. Я взял на кафедре его телефон, получил приглашение и приехал. Жил Моисей Самойлович в прекрасной старой квартире недалеко от метро «Чернышевская», в самом центре города. Я шел к знаменитому петербургскому профессору, живущему в таком месте, ожидая чего-то чудесного. Помню, как очень огорчился, что на массивной, обитой кожей, двухстворчатой двойной двери его квартиры не нашел металлической таблички с надписью «Профессор М.С. Каган». Но времена были иные, и подобная табличка уже мало кому внушала почтение и даже могла вызывать нездоровый интерес. Квартира М.С. Кагана была воротами в старую петербургскую культуру. Высокие потолки, длинные коридоры, многочисленные комнаты (я так и не узнал, сколько их); стены были увешаны картинами, а обстановка содержала множество произведений искусства мелкой пластики. Особенно поражал кабинет: он был очень большой и весь был заставлен и завален книгами. Они были в шкафах, на полу, на столах. Не знаю, каким образом Моисей Самойлович находил в этой библиотеке нужную для него литературу. Из окна кабинета был виден двор-колодец, куда редко могло заглянуть солнце, но сумрак и электрический свет создавали особую атмосферу уединения и покоя, искусственного тепла, так характерного для Петербурга. Свой город М.С. Каган не просто любил и изучал, он жил его жизнью, был частью этой жизни и навсегда останется ею. Воздух Петербурга сегодня невозможен без того интеллектуального компонента, который создал Моисей Самойлович.

В кабинете Моисея Самойловича было несколько столов. Два рабочих: большой, классический письменный стол и поменьше – компьютерный. Новая техника только входила в моду, но уже внесла изменение в интерьер кабинета философа. А кроме них был еще круглый – для приема гостей. Я сел за него, и мы начали беседу. К тому времени Моисей Самойлович прочитал мой реферат, и я очень боялся его мнения. Однако он почти ничего не сказал мне о его содержании, только о методе. «Если бы я был Лотманом, мне бы понравилось твое стремление все свести к коммуникативным и даже знаковым конструкциям, но мне кажется, что ты все упростил, попробуй взглянуть на мир более широко. Знаки – только одна из граней более сложной структуры мира». Я тогда не мог с этим согласиться, но не мог и просто забыть это пожелание. Оно словно исподволь заставляло меня принимать его в расчет, прорастало и стимулировало отход от моего семиотического проекта. Кандидатская диссертация, правда, была написана полностью в семиотическом стиле, но она стала последним шагом на этом пути. Универсальность взгляда на мир, присущая Моисею Самойловичу, многим казалась чем-то вроде разношерстности учебника, однако она всегда обладала единством; пускай даже это единство было подчас только формальным, оно показывало относительность любой точки зрения на культуру и требовало продолжения исследований, выходя за пределы любой методологической ограниченности. Один из моих коллег как-то раз пошутил: «У Кагана, как в Библии, все есть», – сказал он. Пожалуй, с этим можно согласиться. У всякого философа все должно быть, он не исследует какой-то определенный объект, но создает универсальную основу для исследования любого объекта. И, несомненно, М.С. Каган работал именно так.

Однажды М.С. Каган позвонил мне сам и неожиданно пригласил зайти. Оказалось, что он прочитал мою статью, посвященную памятнику Петра Великого Михаила Шемякина. В этой статье я утверждал, что памятник выражает тот период в деятельности Петра, который предшествовал его смерти. Это период, когда Император устал от своей деятельности и возможно понял всю сложность и принципиальную незавершенность ее. Я утверждал, что сомнительность петровских реформ заключалась в том, что они пытались игнорировать православные начала русской культуры, были чересчур эпигонскими в ориентации на западные образцы. Моисей Самойлович был очень разочарован. Он сказал мне, чтобы я искал нового руководителя. Атеизм Моисея Самойловича был больше чем философским скепсисом, он был последовательной позицией, граничившей с верой. Я сказал Моисею Самойловичу, что считаю религию – источником любой самобытной культуры, но ни в коем случае не основой

для философствования или научной работы. Для меня как ученого религия не является ответом на все вопросы, но не учитывать ее подлинной роли в истории культуры я не могу. М.С. Каган считал, что я преувеличиваю эту роль, но он, по крайней мере, понял, что я не отношусь к религиозным фанатикам и, будучи верующим человеком, вполне в состоянии воспринимать атеистические аргументы. Эпизод был очень тяжелым, но я решил не менять руководителя, а Моисей Самойлович – не отказываться от своего аспиранта.

Моя работа над дипломом («Онтологические основания семиотики») и кандидатской диссертацией («Семиотический анализ художественной культуры») никогда не носила характер выполнения научного задания руководителя. Я создавал готовый текст и выслушивал критику и рекомендации. Учитывал я эти рекомендации только тогда, когда считал это возможным. Наконец, работа была завершена. На предварительной защите она была просто разгромлена оппонентами. И тогда, и сегодня я не отказался ни от одного своего положения, высказанного в диссертации, и до сих пор считаю эту критику глубоко несправедливой. Единственным замечанием, с которым я согласился, было указание на то, что в работе слишком мало внимания уделено непосредственно ее предмету. В самом деле, пытаюсь создать модель семиотической структуры искусства, я слишком много занимался основаниями построения этой модели. Увлёкся философствованием. Пришлось дописать новую главу, а те, которые были представлены в первоначальном варианте, существенно сократить. Позиция М.С. Кагана в этой ситуации мне до сих пор кажется чрезвычайно поучительной. Он утверждал, и, безусловно, справедливо, что в силу чрезмерной абстрактности моей теории она трудно поддается проверке. Сам М.С. Каган считал ее непонятной и не решился поддержать или опровергнуть, но признал, что она может содержать ценные компоненты, по крайней мере, для потенциальных читателей. Тогда я не мог ничего исправить: таков был стиль моего мышления тех лет, и Моисей Самойлович хорошо это понял. Он заявил, что требовать от меня иного мышления невозможно, потому что такова уж на сегодня моя природа, и она не меняется за несколько дней, но лишь в результате длительного развития на основе собственных стимулов, а не требований со стороны.

Докторская диссертация («Общение в истории культуры») была написана уже совершенно в другом стиле. Она была прозрачна и понятна вплоть до тривиальности. Мне до сих пор она кажется более результатом требований жанра, чем научного вдохновения. В связи с ее подготовкой и защитой я не могу не вспомнить три эпизода, ярко демонстрирующих личность и научную позицию Моисея Самойловича. На обсуждении темы моей докторской зашла речь о том, что соискатель слишком молод. Никогда не забуду ответ М.С. Кагана: «Не забывайте, пожалуйста, одной важной истины, – сказал он, – ученые делятся не на молодых и старых, но на талантливых и бездарных». Когда работа была готова, возникли проблемы принципиально иного характера, чем в истории с кандидатской. Диссертация была посвящена культуре общения, М.С. Каган написал об этом книгу «Мир общения». Я тогда был уже под очень большим влиянием его философии, прочитал очень много его книг, и не мог уже не разрушать его концепции в ходе собственной их рецепции. Так, мне казалось чересчур мощным его различие общения и коммуникации. Он полагал, что возможны такие виды деятельности, в которых происходит объективация человека, и, в частности, это явление он видел в коммуникации. Я же считал, что человек остается человеком всегда, то есть сохраняет свою субъективность даже в тех случаях, когда ему приходится ее скрывать или блокировать. Спор был очень жарким. В один из моментов его М.С. Каган воскликнул: «Ты хочешь довести меня до инфаркта!». Но дело было в том, что в споре сошлись два принципиальных философа, каждый из которых обладал и аргументами, и основаниями собственной теории. Каждый так и остался при своем, но это не помешало Моисею Самойловичу активно поддержать мою докторскую диссертацию. На ее защите он даже, несмотря на то, что научному руководителю это возбраняется по статусу, позволил себе высказать ряд аргументов в пользу моей концепции, когда один из участников дискуссии пытался защищать его – М.С. Кагана – собственные тезисы о различии общения и коммуникации.

Однажды, получая заработную плату за научное руководство моим дипломным исследованием, М.С. Каган сказал мне: «Вот бы так всегда, ничего не делать, а зарплату получать». Но «ничего не делать» можно было только М.С. Кагану, потому что в своих книгах он уже все сделал. Читай и учись; ведь лучше, чем в книге, все равно невозможно высказать собственную позицию. А книг Моисей Самойлович написал очень много и щедро дарил их

своим ученикам. Покупать их было не нужно. Моисей Самойлович знал, как работать по-настоящему и как учить своих учеников.

4

Помимо личных встреч, я много видел М.С. Кагана в работе на кафедре, в аудитории, на конференциях. Обсуждение диссертаций, научные дискуссии были его настоящим коньком. Никто не мог столь мастерски воспроизвести чужой аргумент, обнаружить слабость в его основаниях и предложить способ усиления. В самой запутанной ситуации голос М.С. Кагана звучал как источник света, рассеивавший тьму. Природа этого явления, на мой взгляд, заключалась в том, что М.С. Каган был настоящим философом. Он был профессионалом-ученым, тратившим много времени на исследование чужих точек зрения, читал чрезвычайно много и систематически; я думаю, что он способен был в считанные минуты составить внушительный библиографический список почти по любому философскому вопросу. Блестящее знание европейских языков открывало ему возможности быть в курсе всех заметных явлений не только отечественной, но и мировой научной жизни. Но главное, он обладал собственной философской концепцией, позволявшей оценить другую идею. Только имея адекватную универсальную модель объекта, расположенную на прочном принципиальном фундаменте, можно понять слабость и силу иной концепции. В аудитории и на конференции он никогда не пользовался заранее подготовленными черновиками лекции и доклада. Это не нужно было делать именно потому, что концепция его была четкой и логичной. Одно вытекало из другого и представляло собой сеть, которую оставалось лишь распутать на глазах у слушателя. Сеть была универсальной, а следовательно, большой и ее можно было увеличивать или сокращать по мере необходимости.

Однажды на своем юбилее – в Санкт-Петербургском университете отмечали восьмидесятилетие М.С. Кагана – он завершал конференцию. До сих пор я помню его слова. «Если бы я не обладал чувством юмора, – сказал Моисей Самойлович, – я бы поверил всем тем комплиментам, которые получил сегодня, но я никогда не жаловался на отсутствие этого чувства. Я очень благодарен всем за поздравления, но еще больше за критику моих идей; она означает, что я работал не зря. Я был на многих юбилеях, слышал много комплиментов, поэтому и решил провести свой юбилей в форме конференции: именно реакция на мои идеи является для меня лучшим поздравлением. Меня многие критикуют, но мне уже поздно что-либо менять в своей концепции, пускай она останется такой, как есть, и я буду рад, если смогу чем-либо быть полезным моим оппонентам и ученикам в их работе. Говорят, что сегодня не принято быть понятным – это значит быть банальным, но я остаюсь рационалистом и уверен, что наука невозможна без рационально обоснованного метода. Только рациональные доводы могут принести пользу, хотя бы в форме их отрицания и критики. Если истина банальна – я выбираю банальность».

Иногда М.С. Каган казался мне последним рыцарем рационализма. И я очень страдал, когда Моисей Самойлович делал какие-то уступки времени. Так, например, его идея о том, что философия – не только наука благодаря тому, что опирается на эмпирический опыт и строит прогнозы, представляется мне именно подобной уступкой. Ведь и математика не опирается на эмпирический опыт и строит прогнозы, но остается подлинной наукой. Другое дело, что даже математика не основывается только на одной системе аксиом и допускает различные системы. В этом философия тоже мало отличается от математики. Но уступки времени и компромиссы – не были характерной чертой М.С. Кагана, главное в нем было – принципиальное следование избранной позиции, даже если большинству она казалась смешной в силу якобы своей архаичности. До конца М.С. Каган оставался рационалистом, до конца сохранил верность марксизму и научил своих учеников видеть его ценность, различать догматическое следование мертвым формулам и эвристические перспективы тех или иных идей.

В 2003 году Моисей Самойлович заболел. Начался не прекратившийся до самой его смерти период операций и недомоганий. Он всегда страдал от заболевания суставов, но теперь реже стал появляться на кафедре, отменял лекции. После операции на сердце – ему вживляли микрочип-стимулятор кардиологической активности – я с еще одной его ученицей навестил Моисея Самойловича в больницу. Помню чистую палату, кровать, книги и рукописи вокруг. Работать Моисей Самойлович не прекращал никогда, но никогда не производил

впечатление перегруженного человека. «Я не только работаю, – сказал Моисей Самойлович, – вот еще читаю прелестную беллетристику» – и показал нам книжку на французском языке какого-то неизвестного автора XIX века. Мы вошли, когда у него был врач. «Опять Ваши ученики? – спросил он. – Лечить некогда». Сколько было учеников у Моисея Самойловича? Трудно сосчитать. Как ему хватало на них времени? Невозможно понять. Однажды я спросил об этом. «Главное – уметь распределять правильно время, не отвлекаться на пустяки, посвятить всего себя делу. Например, не нужно тратить время на руководство какими-либо коллективами. Философия создается не в коллективе, каждый философ работает в одиночку, – ответил Моисей Самойлович и добавил. – Наука – это прекрасная игра; нужно никогда не забывать об этом, и только тогда она не превратится в тяжкую обязанность». К сожалению, я не сумел послушаться его совета и слишком много занимался административной работой. Ирония и шутка всегда были частью отношения Моисея Самойловича к науке и к жизни. Тогда в больнице, указав на свое сердце, он тоже пошутил: «Вот, стал киборгом». Мы очень боялись за его здоровье. Но он казался способным преодолеть все недуги. Быстро выписавшись из больницы, он вновь приходил на кафедру, вновь продолжал печатать свои книги. Начиная с 1994 года не проходило и шести месяцев, чтобы не появлялась новая. После выхода в свет трилогии «Философия культуры», «Эстетика», «Теория ценностей», мы решили устроить на кафедре его творческий вечер.

Приближаясь день рождения Моисея Самойловича, была весна, после больницы он казался совершенно таким же, как был до операции: веселым, здоровым, заряженным на работу. Моисей Самойлович рассказывал, как писал свои книги, как от своего интереса к искусству перешел к антропологии и философии культуры, поскольку понял, что ключ к загадке искусства лежит в структуре человеческой деятельности, рассказывал, как непросто было ему печатать свои работы вплоть до начала 90-х годов, как грустно бывает, когда заканчиваешь книгу, но как все оживает, когда начинаешь писать новую, как хочется успеть написать еще книгу по онтологии. Я помню, сказал ему тогда: «Вы, Моисей Самойлович, непросительно тратите свое время. Столько лет занимались искусством, культурой, человеком и совсем забыли о бытии, оставив его на потом». «Я обязательно успею написать и о бытии. Никогда не было так, чтобы я не заканчивал то, что начинал, – ответил Моисей Самойлович». И слово свое сдержал, правда, последнюю свою книгу «Метаморфозы бытия и небытия» ему так и не довелось полистать. «Одно из самых моих больших удовольствий, – говорил Моисей Самойлович, – открыть только что вышедшую из печати книжку, особенно если я сам – ее автор». Мы слушали Моисея Самойловича и старались запомнить его слова, улыбки, жесты. Одна из аспиранток спела красивую песню про еврейского портного. Мне всегда казалось, что Моисей Самойлович принадлежит всем нациям и всем культурам, но тогда – благодаря этой песне – мы все почувствовали себя родственниками Моисея Самойловича, частью его большой еврейской семьи. Впрочем, ведь не случайно же ученики какого-либо руководителя называют себя научными детьми, сестрами и братьями. В этом почти нет преувеличения, особенно если речь идет о научной школе М.С. Кагана.

Между Моисеем Самойловичем и его учениками никогда не было дистанции. Это происходило не потому, что он позволял фамильярность к себе или к другим, нет. Это было каким-то естественным следствием его личного обаяния. Он умел уважать людей и ценил общение с ними. Помню, как, прогуливаясь по центру города с одним из коллег по кафедре, я оказался недалеко от его дома и очень захотел увидеть Моисея Самойловича. Я позвонил ему и напросился в гости. Он радушно согласился, и мы оказались в его кухне. Моисей Самойлович был очень гостеприимен: он достал нам свой любимый коньяк, нарезал закусок, и мы долго говорили. Особенно запомнились его воспоминания об ученых тридцатых-сороковых годов: В. Жирмунском, И. Иоффе, о его современниках – Игоре Конне, Федоре Абрамове. Позже я с увлечением, буквально за одну ночь, прочитал его книгу мемуаров. Весь философский факультет Санкт-Петербурга с момента его основания стал благодаря этой книге живым собранием лиц, со всеми их достоинствами и недостатками. Себя Моисей Самойлович тоже не щадил, старался не оправдывать те поступки, которые порицал, и всегда разбираться в причинах тех или иных действий. Завершая разговор в тот вечер, он с грустью сказал: «А ведь сегодня уже нет ни того интереса к науке, ни тех выдающихся людей, которых имело бы смысл слушать или читать. Но я, поняв однажды в юности, что быть профессором – лучшая в мире работа, и сегодня не променяю ее ни на что».

Мысль о том, что Моисей Самойлович есть, что ему можно всегда позвонить, всегда попросить совета или даже прийти в гости была утешением, позволяла надеяться на то, что нет ни одной неразрешимой научной проблемы, любая из них по плечу, пока жив профессор М.С. Каган. Я знал, что подлинный ответ на любой научный вопрос должен дать тот, кто его задает, что обращаться к кому-либо другому за ответом – бесполезно. Но, несмотря ни на что, мысль, что Моисей Самойлович рядом всегда была чем-то вроде знания о том, что где-то существует родной дом, куда всегда можно вернуться из любого путешествия.

5

Однажды мне удалось позвать его и к себе в гости. Он приехал со своей женой Юлией Освальдовой, и мы провели совместный семейный вечер. Я волновался накануне и узнавал у знакомых, что предпочитает Моисей Самойлович. Выяснил, что это коньяк «Hennessy». В начале застолья я предложил ему сок, на что Моисей Самойлович, улыбнувшись, заметил: «Как можно пить сок, когда еще осталось столько хорошего коньяка?». Шутки Моисея Самойловича были особым его даром, казалось, он знал все анекдоты на свете, во всяком случае, не было обстоятельства, в связи с которым он не мог бы припомнить подходящую смешную историю. Даже о себе он мог шутить очаровательно и бесконечно. Однажды я пытался что-то напомнить Моисею Самойловичу. Он посмотрел на меня своим привычным взглядом, обладавшим восхитительным сочетанием серьезного и ироничного, и сказал: «Как ты можешь, зная о моем возрасте, спрашивать меня, помню ли я о чем-либо?». В тот вечер, попробовав торт, приготовленный моей мамой, он сказал: «Не понимаю, почему мы до сих пор не стали миллионерами: если бы создать всем нам кафе, где продавался бы такой торт, – туда бы всегда стояла очередь желающих отведать подобный деликатес».

Застолье было для Моисея Самойловича как вода для рыбы. Он умел превратить его в настоящее искусство. Все знали об этом, и было само собой разумеющимся поручать Моисею Самойловичу роль организатора любого застолья – роль тамады. Благодаря Моисею Самойловичу все участники торжества всегда чувствовали себя единым целым, принимали участие в одном событии, не делились на партии и группы, в зависимости от места за столом. Искусство тамады, которым владел в совершенстве Моисей Самойлович, заключалось в его умении поддерживать постоянное внимание к своим шуткам. Он постоянно, лишь с очень небольшими перерывами, произносил тосты, а главное – поручал произносить их другим людям. Каждое доверенное лицо перед этим получало лестную и одновременно иронически окрашенную оценку. Каждый ждал своей очереди произносить тост и желал услышать слова Моисея Самойловича в свой адрес, не зная еще, чего в них будет больше – похвалы или иронии. Но даже ирония в устах Моисея Самойловича не могла не польстить. Способность сказать что-либо интересное о каждом из собравшихся была еще одним удивительным талантом Моисея Самойловича.

Благодаря Моисею Самойловичу банкет после защиты оказывался не менее значимым событием, чем сама защита. Подчас на него приходило больше народу, чем на научный диспут, и совсем не потому, что очень хотелось поесть за чужой счет. А уж если банкет был важнейшим содержанием встречи, М.С. Каган всегда оказывался его главным героем, несмотря на то, что поводом для собрания мог быть, например, юбилей кафедры или какого-либо ученого. Больше всего мне запомнился юбилей Алисы Петровны Валицкой, на котором присутствовало так много народу, что не все поместились даже за огромным столом, составленным из парт и размещенным по периметру большой кафедры эстетики и этики герценовского университета. Моисей Самойлович не только уделил внимание почти каждому из присутствующих и даже сгруппировал их, посвятив каждой группе отдельный тост, но и превратил застолье в драматическое событие, со своими завязками, кульминациями и финалом. Последовательность тостов была выстроена филигранно, и, благодаря ей, Алиса Петровна предстала самой очаровательной и самой значительной персоной на празднике. Восхищению Моисеем Самойловичем никогда не было конца, в него продолжали влюбляться молодые аспирантки, несмотря на всю противозаконность подобных чувств. Впечатление полноты жизни, оставленное им, никогда не забудется никем из тех, кому посчастливилось его получить.

Не могу не вспомнить и о том, каким был Моисей Самойлович во время грустных событий. После похорон профессора Галины Константиновны Щедриной, во время поминок мы не могли сдержать слез, настолько ужасной казалась эта утрата. Ее смерть была стреми-

тельной и неожиданной, никто не знал о том, что она уже давно была смертельно больна и страшно страдала. Мужественно перенося боль, она никому не пожаловалась на нее, никому не захотела принести своим несчастьем даже беспокойства. Говорить было очень тяжело, но Моисей Самойлович нашел именно те слова, которых так не хватало. «Галина Константиновна, – сказал он, – очень любила то, чем занималась, она смогла передать эту любовь людям, которые ее окружали. Пока мы храним эту любовь, будет существовать и память о ней, будет существовать наша наука, будет существовать наша петербургская культура, частью которой навсегда останется Галина Константиновна. Мне бы очень хотелось, чтобы ее пример никогда не был забыт, чтобы Петербург не остался без тех людей, благодаря которым он достоин любви». Мы слушали его слова и знали, что Моисей Самойлович с нами, что мы никогда не забудем Галину Константиновну, что Петербургская наука будет жить даже тогда, когда уйдут те, кто сегодня составляет ее гордость и славу. И это было лучшим утешением для нас в те скорбные минуты.

В последний год жизни Моисея Самойловича я не видел его. Мне пришлось уехать на Дальний Восток России. Командировок было мало, я появлялся в Санкт-Петербурге раз или два в год, и вот в конце осени 2005 года узнал, что Моисей Самойлович смертельно болен. Я захотел позвонить ему, но не знал, о чем говорить. Прежде я звонил тоже, но никогда не чувствовал, что может настать такой момент, когда наш разговор окажется последним, и я не боялся не звонить подолгу. А теперь я испугался, но мне не хотелось, чтобы Моисей Самойлович чувствовал этот страх. Ему и без меня достаточно страха. Однако он все-таки почувствовал его, даже несмотря на то, что мы разговаривали по телефону. «Ты узнал о моей болезни? – спросил он. – Не волнуйся, я многое успел, и врачи сказали мне, что у меня еще есть некоторое время для того, чтобы закончить задуманную работу. Я хочу составить собрание моих сочинений. Если успею – значит, у меня была действительно счастливая судьба». И он все успел. Пожалуй, только учебника по философии для детей не написал, про который говорил в последние годы. Но собрание сочинений и книга по онтологии были подготовлены им. Последний мой звонок состоялся за неделю до его смерти. Тогда зимой я звонил ему каждую неделю, иногда он разговаривал со мной, иногда мне говорили, что ему плохо и он не в состоянии общаться. Чаще я все же слышал его голос. Мне, наконец, удалось прояснить сроки командировки: она должна была состояться через месяц. «Мы увидимся? – спросил я». «Обязательно, если, конечно, я буду жив», – ответил Моисей Самойлович. На его похороны я попросил прийти мою маму, которую Моисей Самойлович знал; она рассказала мне о них, что могла. Я ужасно переживал, что сам не смог попасть туда и в последний раз посмотреть на своего учителя. Но то, что я запомнил его живым и здоровым, тоже важно.

Сегодня у меня нет утешения в том, что я могу задать вопрос Моисею Самойловичу и получить на него ответ. Утрата великого ученого невосполнима не только потому, что ушел человек, которого любили родные или знакомые и который был неповторим и ценен благодаря этому. Это утрата учителя, который знал что-то такое, чего не знал никто до него и никто после не будет знать. И знание это было ценностью для всего научного сообщества. Но со всякой утратой придется смириться. Моисей Самойлович все успел. Он сделал так много, что никогда отечественная культурология и эстетика не будет уже существовать без его вклада в них.

Книги долговечнее их авторов, и они будут продолжать растить семью учеников Моисея Самойловича. Сегодня они стали хрестоматийными, и я каждому своему студенту говорю, что существует такое множество интересных текстов в современной культурологии, что можно многое не успеть прочитать, однако книги Моисея Самойловича Кагана необходимо прочесть в первую очередь, поскольку они обладают способностью быть понятными даже начинающим и полезными даже тем, кто уже решил, что все знает. Книги остаются даже тогда, когда уходят те, кто знал их автора – Моисея Самойловича Кагана. Но его шутки, его уважение к коллегам и ученикам, его живая речь, его любовь к науке, его пример профессионализма и образ настоящего философа никогда больше не будут существовать для тех, кто не слышал их и не пережил. Именно поэтому я пишу эти воспоминания, они дороги мне как часть моей жизни и как единственный оставшийся мне способ общения с живущим в них Моисеем Самойловичем Каганом.